

В детстве, когда мне было шесть лет, я поджёг соседский сарай с сеном. Огонь быстро распространился и на наш дом. Испугавшись, я убежал за сарай и смотрел, как вся улица, передавая друг другу ведра с водой, тушит наш дом.

Дом спасли, но зарубка на сердце осталась на всю жизнь.

После я сам, летая на самолёте, стал тушить лесные пожары и видел, что может сделать “верховик”, который за какие-то полчаса превращал таёжный посёлок в обуглившиеся головешки. Пожары в тайге были всегда. Но в последнее время – особенно часто.

Вслушиваясь в утренние сводки по телевизору, я отмечал: опять горит Верхоленье, Катанга, те места, где прошла моя лётная молодость. В позапрошлом году самым тревожным стало сообщение о пропаже самолёта Ил-76. Оно было коротким:

“1 июля 2016 года самолёт Ил-76, пройдя траверс таёжного посёлка Чанчур, в 10:57 начал снижение для захода на лесной пожар в верховьях Лены. За штурвалом воздушного гиганта был профессионал – заслуженный пилот России Леонид Филин”.

В 11:30 самолёт не вышел на связь. Организованными поисками Ил-76 был обнаружен на склоне таёжной горы разрушенным и сгоревшим. Погибли все десять членов экипажа. Позже вертолётчики, участвовавшие в поиске, рассказывали, что при заходе на сброс воды видимость была нулевой.

То место мне было хорошо известно. Рыбный Уян. Тайга, горная, пересечённая местность. После окончания Бугурусланского лётного училища я несколько лет там патрулировал тайгу на Ан-2. Мы отыскивали лесные пожары, сбрасывали в тайгу парашютистов-пожарных и не понаслышке знали, сколько жизней забрала сибирская тайга.

В своё время казаки-землепроходцы без компасов и мобильных телефонов, по непролазной тайге двигаясь навстречу солнцу по руслам сибирских рек, прошли от Каменного пояса до Великого океана. За казаками двинулись купцы, охотники-промысловики, ссыльные и переселенцы из России. Началось разграбление, или, как писали в газетах, освоение Сибири. И до сих пор с тайги, с рек и озёр, не сея, не поливая и не ухаживая, берут всё, что попадётся под руку: пушнину, рыбу, ягоды, кедровый орех. Но главное богатство, – конечно же, лес. Сегодня его валят, пилят и кругляком, по дешёвке гонят в Китай, Корею, Японию. И на всё закрывают глаза, говоря: закон – тайга, медведь – хозяин. Чего тут рассуждать, одна живём! А не возьмём – гори ты синим пламенем!

И вот много лет спустя меня пригласили в Иркутск — съездить в известный мне по прежним временам таёжный посёлок Чанчур. Пригласил Владимир Петрович Трапезников. Комендант Чанчура, так часто называют его журналисты, который вот уже почти тридцать лет определяет жизнь и порядки в этом далёком посёлке. Он встретил нас в Малой Тареле, и на его самодельной дюралевой лодке мы стали подниматься вверх к истокам Лены. Плыли в настоящее, а мне казалось, что я плыву в своё прошлое.

Много лет назад мой патрульный самолёт базировался неподалёку от этих мест, на аэродроме в Качуге. Бывало, мы прилетали в Чанчур и сбрасывали лесничему вымпел, сообщая о местоположении очередного таёжного десанта или пожара. Мобильных телефонов и раций, как и во времена Курбата Иванова и Ерофея Хабарова, у нас не было.

И вот мне предстояла новая встреча уже не с воздуха, а с земли.

Много воды в Лене утекло с тех пор...

Сегодня по берегам Лены ничего не горело, тайга была по-осеннему нарядна и светла, а на нас были не парашюты, а спасательные жилеты. Наш рулевой Владимир Трапезников своё дело знал и технику безопасности перевозки людей тоже. Сгодилась и моя оставшаяся от прежних времён лётная демисезонная форма. Запакованный в ползунки и синюю куртку, я чувствовал себя довольно комфортно на холодном ветру. “Самолёт и лодку объединяет одно — двигатель”, — думал я, поглядывая, как умело и ловко Трапезников ведёт лодку по ленским протокам, избегая подводных камней, делает неожиданные крутые виражи, и, вспомнив, как он водит машину и снегоход, вдруг поймал себя на мысли, что такого посади в кабину самолёта, он и на нём сможет провезти нас мимо гольцов и Прибайкальских хребтов. На поворотах в лодку с носа тугой струей летели брызги, Трапезников, посматривая на фарватер, специально приспособленным ведёрком вычёрпывал и выливал за борт сливающаяся к нему в хвост воду.

“Вот если бы и людям было можно вычёрпывать из себя ненужную городскую грязь и накипь? — думал я, наблюдая за его работой. — И вновь окунуться в ту естественную привычную жизнь, в которой жил раньше”.

Путь был неблизким. Поглядывая на пролетающие мимо ели и берёзки, я пытался вспомнить свою лётную работу, полёты над тайгой, ту жизнь, которая окружала меня, и тех людей, которых оставил здесь, на ленских берегах.

*Днем и ночью, в согласье и в спорах,
В ведро, в слякоть, в жару и в мороз
В необъятных небесных просторах
Мы держали воздушный извоз...*

До Чанчура, с короткой остановкой, мы шли более пяти часов. Полёт из Москвы до Иркутска занял времени ровно столько, чтобы после добраться на дюралевой плоскодонке от Малой Тарели до Чанчура. Летом другой дороги здесь нет. На лодке, в отличие от самолёта, не было стюардесс, зато с нами была редактор иркутского телевидения Ольга Ренчинова. Она то и дело щёлкала затвором фотоаппарата, снимая заломы и перекаты и сидящих на берегах диковинных птиц. Временами днище лодки билось о камни, и над головой, чуть ли не касаясь головы, пролетали склонившиеся над водой длинные, как удочки, ели. Главной нашей задачей было не делать резких движений: лодка чутко реагировала даже на взмах руки, и при неудачном повороте можно было легко свалиться за борт.

Там, где ещё недавно стояли деревни Куртугун и Конган, на крутом склоне горы были выложены белыми камнями имена неведомых мне Оли и Алёши, пожалуй, единственные оставшиеся знаки существовавшей здесь когда-то жизни...

Встречались нам и следы недавних лесных пожаров. Трапезников рассказывал, что в прошлом году вокруг Чанчура, когда упал Ил-76, были сильные пожары, выгорел кедрач и ягодник. Сегодня лесное зверьё: лоси, изюбри и козы — стараются держаться подальше, лишь медведи иногда выходят к крайним домам, давая знать о себе рёвом...

Возможно, жалуются на непростую жизнь в неудобной даже для них обгоревшей тайге.

Трапезников поведаль, что в природе всё распределено, тайга поделена между собой лесным зверьём. Но и здесь вмешался человек, уже по собственному разумению и прихоти нарисовал новые границы: хочешь охотиться — заключай договор, но уже не с государством, а со мной — собственником, и плати дань. И Байкал, вернее, его берег захвачен частниками. Если ты отправился в путешествие на корабле, то надо знать, где можно, а где нельзя пристать к берегу. На Байкальском водном форуме то и дело звучало: надо защищать Байкал. От кого? От себе подобных. За таким криком слышится бессилие. Криком тайгу и Байкал не спасёшь. В Священном Писании сказано: “По делам их узнаете их”. Не по цвету листьев, и даже не по стволу дерева, а по плодам.

Я смотрел на Лену и думал, что здесь всё так же, как и тысячу лет назад: то же русло, те же деревья, человек ещё не успел прорыть сюда дорогу и заполнить берега бетоном, кирпичом и асфальтом. И слава Богу!

В 1643 году этой же дорогой по Лене к Байкалу прошли казаки Курбата Иванова. Он первым из русских людей составил чертёж озера. Трапезников в Чанчуре поставил ему памятник и над ним приладил колокольчики, которые оглашают окружающую тайгу весёлым звоном. Верхний поёт во славу Божью, нижний, державный, над тайгой плывёт...

Тех людей, что когда-то строили здесь карбасы, лесников, которым я сбрасывал вымпела с сообщениями о лесных пожарах, в Чанчуре не осталось. Нет и профессиональных охотников-промысловиков. Когда наш самолёт базировался в Бирюльке, экипаж приглашали к себе братья Жабины, угощали сохатиной, мёдом, кедровыми орехами. Рассказывали они и про Чанчур. По их словам, там были самые богатые охотничьи угодья.

Трапезников вспомнил, что когда-то в Чанчур съезжались охотники-эвенки со всей округи. Здесь проводилась сдача и обмен пушнины на продукты, охотничьи припасы. Рассказывают, что тогда шкурку соболя можно было обменять на бутылку водки.

Трапезников стал ниточкой, связав собой прошлое Чанчура с его нынешней жизнью. Прекрасный рассказчик, настоящий работяга, он всё делает крепко и надёжно, с собственными придумками. Например, красит построенные дома в разные цвета. И крыши старается делать красочными и весёлыми. Про таких говорят: такой не найдёт, так набезит...

Слушать его таёжные байки было одно удовольствие. Почти во всех случаях Владимир Петрович выходил победителем из самых непростых ситуаций. “Ну, чем тебе не герой рассказов Василия Макаровича Шукшина?” — думал я. Позже он сам сказал, что, погостив у него, Валентин Распутин прислал ему на память портрет Василия Шукшина...

Вечером, во время ужина Трапезников читал нам свои стихи:

*Я в волчьей стае рос без материнского догляда,
И мир тот был суров, скажу, совсем не прост!
Я Чанчур берегу.
И если надо,
Стану во весь рост,
И в морду дам, меня просить не надо!*

И, чуть помолчав, выдавал неожиданное:

*Осень, опали листья,
Завяли нежные цветы,
Но на рябине гроздьё не потухли —
В её ветвях горит ещё огонь любви.*

Частенько ему приходилось работать с приезжающими на Байкал иностранцами. Водил он по гольцам, байкальским кручам, горным речкам туристические и иные группы не очень-то приспособленных к таким тропам людей. Но идут, лезут в тайгу за впечатлениями и приключениями. Бывало, что идут прямо к медведю в лапы. И, конечно же, как тут обойтись без опытного, знающего тайгу проводника...

Я спросил у него, кто лучше всех из иностранцев-волонтёров работал в Байкальском заповеднике.

– Англичане, – однозначно ответил Трапезников.

Однажды кто-то из вновь прибывших англичан поведал Трапезникову, что среди них, в десятом колене, есть потомок Кромвеля.

– Перед тем как дать им задание на работу, – вспомнил Трапезников, – я их собрал и через переводчицу сказал известную, но слегка переделанную фразу Кромвеля:

“Сэры и пэры, довольно трепаться. Даю вам пару минут, чтобы вы надели шляпы, взяли пилы и топоры. Иначе мои солдаты (тут Трапезников показывал на стоящие в его собственноручно сделанном музее чучела медведя, россомахи и рыси) сделают так, что шляпы ваши не на что будет надевать”.

С опаской поглядывая на строгого русского начальника, англичане загалдели. Переводчица улыбнулась и сказала, что свою историю англичане знают слабовато, но генная память у них хорошая.

Волонтёры быстро собрались и пошли пилить деревья и вырубать просеки для таёжных троп.

“Правда в памяти, у кого нет памяти, у того нет жизни. Валентин Распутин”.

Эта табличка висит на доме-музее лётчика, Героя Советского Союза Александра Михайловича Тюрюмина, который родился в селе Чанчур. Распутин прожил в Чанчуре несколько дней и после всегда с теплотой вспоминал этот таёжный посёлок. Сегодня смотрителем этого музея является Владимир Петрович Трапезников. Он открыл нам дверь деревенского дома и провёл экскурсию.

Уже в доме-музее Тюрюмина выяснилось, что мы с Александром Михайловичем однокашники – оба заканчивали Бугурусланское лётное училище. И отцы-командиры были одни и те же – участники Великой Отечественной войны, полковники Василий Лазуко и Андрей Быценко. Кстати, Тюрюмин первым на Ташкентском авиазаводе испытал и дал путёвку в небо самолёту Ил-76.

Пригласив меня в Чанчур, Владимир Трапезников дал мне редкую возможность вернуться в прошлое. И хоть на минуту дал возможность прикоснуться к той жизни, от которой, по недомыслию, подчиняясь стадному чувству, я так старательно убежал, улетал, выискивая для себя что-то новое и недостижимое. И, как видно, обманывался. . .

А вот Трапезников пришёл сюда, в таёжную глушь, и сделал свою жизнь наполненной и нужной людям. Своим невидимым ведёрком он понемногу вычерпал из себя ту городскую накипь, которая заливает душу.

Перед отъездом мы захотели сходить в кедрач, но Трапезников сказал, что в прошлом году, когда упал Ил-76, кедрач сгорел.

– Пожар мог перекинуться и на наш посёлок. Мы его едва отстояли. Сейчас там, как в песне о войне: “Там птицы не поют, деревья не растут. . .” Вот что, давайте я вас свожу по голубицу.

И мы пошли, и собирали рядом с посёлком лесную ягоду.

А ночью устало и расслабленно я смотрел на близкие звезды и думал: “Хорошо, что на нашей крохотной Земле остаются ещё такие места, где можно дышать полной грудью, где душа становится прозрачной и невесомой, как таёжный воздух, и чиста, как вода в Чанчуре”.